

К вопросу об управленческих инновациях в свете экономических интересов в России

Н.И.Усик

Санкт-Петербургский государственный университет
низкотемпературных и пищевых технологий

Управленческие инновации определяются отраслевыми или корпоративными интересами. Автор рассматривает формы экономической власти на трех уровнях в исторической ретроспективе. Указывается методология исследования управления в виде сформировавшейся модели властных отношений со специфическими экономическими интересами.

Ключевые слова: управленческие инновации, государственное регулирование, рыночное регулирование, экономические интересы, власть элит, система экономической координации.

В большей степени управленческие инновации в современной экономической ситуации в России определяются отраслевыми или корпоративными интересами. Эти интересы ограничены различными формами экономической власти на трех уровнях.

Первый уровень отражает влияние глобального финансового капитала. Эта так называемые управляющие параметры: курс валют, банковский процент, внедрение инноваций. Этот уровень отражает глобальную координацию.

Второй уровень – уровень государственной (национальной, централизованной) экономической политики (координации), на которую оказывает влияние глобальный финансовый капитал. Эта политика направлена на защиту конкуренции. Так, формально фиксируются и находятся под пристальным вниманием слияния и поглощения компаний. Вне поля зрения антимонопольных органов оказывается квазиинтеграция, получившая широкое распространение после 1990-х годов. Данная тенденция исследовалась в экономической литературе, на основании чего сделан вывод об отказе контроля над собственностью для сохранения контроля над управлением [16]. Данные процессы определяются повышением эффективности деятельности компаний в глобальной экономике.

Третий уровень – адаптация корпоративных интересов в рамках системы глобальной и централизованной координации. Это новый этап по сравнению с Ф. Хайеком (1945) и Ч. Барнардом (1938). Оба автора центральной проблемой экономической организации считали адаптацию. Как отмечает М. Ю. Шерешева: «Различие между их подходами состояло в том, что Ф. Хайек делал акцент на спонтанную адаптацию посредством механизма рынка, а в центре внимания Ч. Барнарда была кооперативная адаптация, ... реализуемая посредством административной координации» [16]. Хозяйственная практика

последующих лет показала, что без защиты государством конкуренции спонтанная адаптация посредством механизма рынка невозможна. Интеграционные же процессы в глобальной и национальной экономике ограничивают конкуренцию.

Методология исследования управления связана с историческими тенденциями рождающегося нового мира; противоборством модернизации, постмодернизации и демодернизации (неоархаизации). Наряду с «административной» системой национальных государств на планете складывается «экономическая» модель властных отношений. Субъектами такой системы управления, по мнению А. И. Неклессы, становятся влиятельные межправительственные и неправительственные организации, транснациональные и межнациональные корпорации и финансовые учреждения и т.п. В связи с этим мы придерживаемся мнения о необходимости участия российского государства во всех таких организациях и учреждениях, чтобы иметь возможность отстаивать свои интересы. Современный финансовый кризис отражает соотношения сил в глобальной экономике, когда отодвигаются границы функционирования рыночной системы в связи с возрастающим внеэкономическим принуждением.

Первоначально экономическая власть была связана с собственностью на землю. Земля обеспечивала ее обладателю руководящую роль в обществе и власть в государстве. В результате совершенствования техники и расширения знаний возросли возможности применения капитала. Тот, кто обладал землей и осуществлял контроль над рабочей силой, не имел возможности распоряжаться капиталом. Таким образом, экономическая власть перешла к капиталу, а вместе с ней капитал приобрел престиж в обществе и власть в государстве.

Вопрос о власти стал предметом изучения экономической науки в середине XIX в. К. Маркс сделал вывод о том, что в производстве господствуют те, кто контролируют и поставляют капитал [7].

Дж. К. Гэлбрейт в своем эпохальном труде «Новое индустриальное общество» (1969 г.) назвал главу V «Капитал и власть». Он отмечал, что власть переходит к тому фактору производства, который наименее доступен и, который труднее всего заменить. Говоря более специальным языком, она принадлежит тому фактору, предложение которого отличается наибольшей неэластичностью в пределе (*at the margin*). Эта эластичность может быть результатом либо нехватки в силу естественных причин, либо эффективного контроля над предложением, осуществляемого в той или иной форме людьми, либо того и другого. Таким образом, появляются конкурентные преимущества. В индустриальном обществе предприятие само снабжает себя капиталом, что является составной частью планирования. В то же время, в связи с требованиями, диктуемыми техникой и планированием, резко возрастает потребность промышленного предприятия в специализированных знаниях и соответствующей форме организации этих знаний. Обладание капиталом уже не обеспечивает гарантии того, что необходимые специальные знания могут быть получены и должным образом организованы. Опыт прошлого, - делает вывод Гэлбрейт, - дает основание предполагать, что источник власти в

промышленном предприятии переместится еще раз – на этот раз от капитала к организованным знаниям [2].

А в книге 1996 г. Дж. К. Гэлбрейта «Справедливое общество. Гуманистический взгляд» обращено внимание на то, что власть монополий – эксплуатация потребителя посредством цен, не сдерживаемых конкуренцией, ставшая когда-то объектом антимонопольных законов в США, - отошла на второй план под давлением международной конкуренции и стремительного развития техники. Капитал не утратил политическую власть, то есть возможность оказывать влияние на государство и на общество в целом. «Коммерческие фирмы – как крупные, так и малые, как по отдельности, так и совместно в масштабах целых отраслей – достаточно решительно и эффективно выражают свои экономические интересы в рамках современной системы государственного устройства» [3]. Его вывод о невозможности признать образцовой моделью социализм или капитализм приводит к определению того факта, что с развитием и ростом современной экономики на государство возлагается ответственность за выполнение все большего числа функций и обязанностей: «Развитие торговых операций требует строительства новых автомобильных дорог; рост масштабов потребления требует активизации деятельности по удалению отходов; для расширения объемов автоперевозок требуется строительство новых аэропортов, оснащенных современным оборудованием и укомплектованных соответствующим персоналом для обеспечения безопасности полетов.

С повышением уровня экономической активности особое значение приобретают вопросы более эффективной защиты граждан и коммерческих предприятий. Повышение жизненного уровня и возможность более полно ощущать радость жизни приводит к тому, что люди стремятся оградить свое здоровье и саму жизнь от некоторых опасных явлений, связанных с существованием человека, которые прежде воспринимались как нормальные и вполне допустимые. С развитием экономики социальные меры и государственное регулирование становятся все более важными, несмотря на то, что социализм в классическом понимании утрачивает свое значение» [3].

По мнению Дж. К. Гэлбрейта в условиях монополистического рынка подлинная экономическая власть переходит от собственников к «техноструктуре». Это управляющие, специалисты, ученые, технологи, конструкторы, фактически обеспечивающие функционирование крупных корпораций. Такой переход был связан с возрастанием размеров корпораций и усилением власти инфраструктуры, модифицирующих цели экономической деятельности. Как правило, цели техноструктуры вступают в противоречие с общественными целями. Если же рассматривать не американский, а, например, германский опыт управления, то он как раз и основан на техноструктуре. На правомерность такого подхода указывал М. Портер. Он акцентировал внимание на том, что сложность выпускаемой продукции требует точности обработки, тщательного процесса разработки, послепродажного обслуживания, а значит, соответствующей структуры управления с высоким уровнем дисциплинированности [10].

Развитие предпринимательства можно охарактеризовать, как стремление снизить деловой риск, а современного – и неопределенности, а риски разделять среди участников.

Выводы Дж. Гэлбрейта относились к анализу индустриального общества, Д. Белл проанализировал постиндустриализм, а Э. Тоффлер - общество так называемой «третьей волны».

Экономическая власть в постиндустриальном обществе (экономика с преобладанием сферы услуг в отличие от промышленной - индустриальной) переходит от собственников к носителям знаний, обладателям информации. Она является выразителем движущего противоречия такого управляющего параметра в глобальной экономике, как внедрение инноваций, между контролем этой системы и носителями знаний. Вместо стандартного, производство в таком обществе будет носить специализированный, индивидуальный характер. Интересы такой экономической власти, их цели, стимулы к деятельности будут определяющими в обществе. К современной российской экономике это пока мало относится, но включаться в этот процесс необходимо, уходя от сырьевой направленности.

Э. Тоффлер рассматривает технологическую революцию как «третью волну» в истории экономических переворотов. «Первой волной» была аграрная революция; ее сменила промышленная революция «вторая волна». Информационное общество представляет собой не замену, а дальнейшее развитие системы машин: двигателей, станков, транспортных средств, машинных средств обработки информации. Переход к новому информационному обществу рассматривается как постепенная трансформация прежней системы [14].

Новая революционная система создания материальных ценностей (основанная не на мускульной силе, но на интеллекте), - по Тоффлеру, - не может распространиться, не вызвав личных, политических и международных конфликтов: «Измените способ создания благосостояния, и вы немедленно столкнетесь со всеми, кто отстаивает свои интересы, чье господство рождено предыдущей системой. Возникают ожесточенные столкновения, поскольку каждая сторона борется за контроль над будущим» [13].

Власть в обществе, по Тоффлеру, - определяют знание, насилие, богатство и взаимоотношения между ними. Будущее наше, по его мнению, зависит от нашего понимания, как и кому, уплывают знания. Если мы этого не поймем, то не сможем защититься от злоупотреблений властью, ни создать лучшее, более демократичное общество, которое сулят нам технологии дня завтрашнего: «Контроль над знаниями – вот суть будущей всемирной битвы за власть во всех институтах человечества» [13].

Обоснована, на наш взгляд, критика Э. Тоффлером экономистов свободного рынка, таких как М. Фридмен, склонных изображать экономику как безличную машину спроса и предложения, игнорирующих роль власти в создании материальных ценностей и прибыли: «Или они слепо полагают, что все сражения за власть не затрагивают экономику?» [13].

Конечно же, наибольшую концентрацию экономической власти представляет централизованно управляемая экономика. В экономике же совершенной конкуренции на всех рынках экономической властью отдельные участники не обладают, а могут оказывать определенное влияние на экономический процесс. Рыночное хозяйство располагается между указанными двумя крайностями, в том числе и с точки зрения экономической власти.

Экономическая власть, по мнению В. Ойкена, должна существовать в условиях конкурентной среды лишь постольку, поскольку она необходима для ее поддержания [9]. Его теоретическая концепция была реализована в послевоенной экономике Германии как социальная рыночная экономика. Однако, основа его труда, а именно концепция экономического конструирования свободы и метод анализа экономической власти в политическом отношении, не была реализована на практике из-за неудобного вывода об определении политики властными экономическими группировками.

К такому же выводу пришел Дж. Стиглиц, который дипломатично писал о «силе групп со специальными интересами», существенно влияющей на результаты «общественного выбора» [12].

По мнению М. Портера в 1990-е годы «власть экономических группировок» перешла к кластерам, как сконцентрированным по географическому признаку группам взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в соответствующих отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации, а также торговых объединений) в определенных областях, конкурирующих, но вместе с тем и ведущих совместную работу» [10]. Указанное положение подтверждает отстаиваемый нами тезис о том, что сложившаяся структура связей между субъектами, т. е. структура рынка, определяет поведение этих субъектов.

Сложившиеся и нарождающиеся структуры концентрируют и носителей знаний. Поэтому М. Кастельс определил власть как отношение между человеческими субъектами, которое на основе производства и человеческого опыта навязывает волю одних субъектов другим путем потенциального или фактического применения насилия, физического или символического. Вообще, институты общества построены так, чтобы навязывать отношения власти, существующие в каждый исторический период, включая способы контроля, границы действий и социальные контракты, полученные в результате борьбы за власть [4].

На основе выявленного нового явления в виде сетевых организаций, он говорит и о новой форме экономической власти: «Более того, я готов утверждать, что подобная сетевая логика влечет за собой появление социальной детерминанты более высокого уровня, нежели конкретные интересы, находящие свое выражение путем формирования подобных сетей: власть структуры оказывается сильнее структуры власти. Принадлежность к той или иной сети или отсутствие таковой наряду с динамикой одних сетей по

отношению к другим выступают в качестве важнейших источников власти и перемен в нашем обществе» [6].

«Одновременно, - пишет М. Кастельс, - морфология сетей выступает в качестве источника далеко идущей перестройки отношений власти. Присоединенные к сетям «рубильники» (например, когда речь о переходе под контроль финансовых структур той или иной империи средств информации, влияющей на политические процессы) выступают в качестве орудий осуществления власти, доступных лишь избранным. Кто управляет таким рубильником, тот и обладает властью» [6]. Он заявляет, что власть больше не является уделом институтов (государства), организаций (капиталистических фирм) или носителей символов (корпоративных средств информации и церкви): «Она распространяется по глобальным сетям богатства, власти, информации и имиджей, которые циркулируют и видоизменяются в системе с эволюционирующей конфигурацией, не привязанной к какому-то определенному месту. Но, тем не менее, власть не исчезает... Центрами такой власти становятся умы людей» [5].

В. Т. Рязанов определил экономическую власть, как «процесс перехода власти, но власти экономической, которую в первую очередь отличает право контроля и распоряжения созданным прибавочным продуктом. Самыми главными ее признаками становятся радикальная смена типа собственности и ее перераспределение в обществе» [11].

В глобальной/информациональной экономике М. Кастельс также выделяет технократическую, финансовую и менеджерскую элиту, занимающую ведущие позиции и имеющую свои интересы/функции. Но отличие состоит в пространственном проявлении доминирующих интересов, тогда как жизнь и опыт народов укоренены в конкретных местах, в их культуре, истории. Элиты космополитичны, а народы локальны [4].

Кроме того, возникли и развиваются противоречия в интересах на разных уровнях: в глобальном масштабе – между интересами международного финансового капитала и национально-государственными субъектами. В региональном масштабе – между государствами, входящими в один из регионов (США, ЕС (Западная Европа), АТР, НИС), а также между самими региональными группировками. На уровне национальных государств – интересы федерального и местных бюджетов; на уровне самоуправления, корпораций и индивидуумов.

Указанные изменяющиеся интересы порождают противоречия в виде появления проблем, выражающихся в неравновесии, кризисах, депрессии, инфляции и т. п.

Экономическая власть отражает интересы агентов рынка, использующих эту власть в своих интересах, применяя, наряду с рыночными методами, методы внеэкономического принуждения. Поскольку рыночная система основывается не только на личных интересах, но и личной ответственности при вложениях капитала, то возникает противостояние между стремлением предпринимателей увеличить прибыль и ее ограничением механизмами рынка. Это противостояние формирует силы, которые стремятся устранить

заложенные в механизме конкуренции ограничения в получении прибыли. Таким образом, внутри рыночной системы следует признать тенденцию к образованию сил, стремящихся ограничить конкуренцию (рыночный механизм саморегулирования).

М. Бест в качестве примера привел конкурентные стратегии, применяемые для реализации стратегических интересов автомобильных компаний США в 1920-х годах, когда принимались базовые решения о формировании системы наземного транспорта. Право выбора наземного транспорта или железнодорожного для потребителя больше не существовало. Автомобильные компании применили конкурентную стратегию более высокого качества, чем железнодорожные. Лидирующая фирма внутри сектора делала стратегические инвестиции, которые вели к определению потребностей в транспорте в интересах системы, использующей автомобили [1].

В мировой экономике примеров давления отраслевых интересов в выборе того или иного пути развития достаточно. Так было в выборе бензинового двигателя под давлением нефтяных компаний, в выборе реактивного топлива, а не применении гравитационных двигателей; производство компьютерной техники в России в 1980-х годах закрыто вследствие принятия решения об использовании американских и т. д.

Предположение Тоффлера о том, что не только чрезмерные или нажитые нечестным путем деньги, но все прибыли частично (и иногда в значительной степени) определяются скорее властью, чем эффективностью производства, не бесспорен, но основано на большом количестве реальных фактов: «Даже самая нерентабельная или непроизводительная фирма может получить доход, если она способна навязать свои условия рабочим, поставщикам, дистрибьюторам и потребителям. Власть – неизбежная часть процесса производства, и это – истина для всех экономических систем, капиталистических, социалистических и вообще каких бы то ни было» [13].

Об этом же говорил В. Ойкен, что существование экономики полной конкуренции максимально возможно при разделении экономической власти. Она корреспондирует с разделением властей в демократическом правовом государстве. Ведь экономическая власть дает возможность, даже не нарушая закона, парализовать правовое государство и демократию. Например, концерны и крупные банки в состоянии препятствовать свободному формированию законодательной властью своего волеизъявления или даже блокировать его. Высокой численности рабочей силы и налоговых поступлений от немногих крупных предприятий вполне достаточно, чтобы оказывать законным путем давление, которое противоречит смыслу демократических конституций [9].

Ярким примером такого давления в России служат экспортоориентированные предприятия, служащие основными источниками поступления валюты в страну. К сформированным таким образом валютным резервам Центрального Банка России «привязано» количество наличных денег в обращении и кредитных ресурсов в рублях.

В России контроль над производственными и финансовыми структурами находился долгое время не у собственников и акционеров, а у

сформировавшихся в период перестройки структур и теневого бизнеса (с его признанием в объеме 30-40 и более процентов к ВВП), пользующихся всей инфраструктурой страны. Эти властные экономические группировки, коррупция накладывают отпечаток на партнерские отношения в бизнесе, ведут к ухудшению экономического развития России в долгосрочной перспективе. Они инвестируют только в отрасли, дающие надежный источник дохода в краткосрочной перспективе.

Экономическая власть такого рода подрывает основы конституционного строя, национальную безопасность страны, не дает возможности построения демократического общества. За годы реформ в России был создан режим вне рыночного присвоения – перераспределения и концентрации собственности и капитала во владении узкой группы лиц, в основном занимающих ключевые позиции в реформировании экономики. В их интересах поддерживать экономику как можно дольше в переходном периоде до полного исчерпания природных и человеческих ресурсов. В результате проведенного научного исследования Р. Нуреев и А. Рунов сделали вывод о фактическом укреплении имущественного положения лиц, стоящих у власти [8].

В таблице 1 показаны две группы лиц, одни из которых заинтересованы в построении новой системы власти-собственности, а другие – в построении системы индивидуализированной частной собственности.

Таблица 1. Группы и их интересы с точки зрения формирования системы прав собственности.

<i>Группы, заинтересованные в построении новой системы власти-собственности</i>	<i>Группы, заинтересованные в построении системы индивидуализированной частной собственности</i>
Новая государственная номенклатура: чиновники федеральных органов власти	Владельцы машиностроительных предприятий гражданских отраслей
Новая государственная номенклатура: чиновники региональных органов власти и муниципалитетов	Собственники предприятий в сфере услуг
Владельцы (технократы) экспортно-сырьевых отраслей – «новые олигархи»	Подавляющее большинство промышленных фирм потребительского комплекса
Владельцы (технократы) экспортно-сырьевых отраслей	Домохозяйства (подавляющее большинство зажиточных рабочих)
Военная номенклатура российской армии в ее сегодняшнем переформированном виде	Средний и малый бизнес
Силовые структуры (МВД, ФСБ, МЧС, Налоговая полиция и др.)	
Криминальный бизнес	

Результатом реализации в жизнь интересов указанных групп стало то, что законодательная власть не обеспечивает институционального механизма и необходимых инструментов для возникновения социального рыночного хозяйства в России.

В развитых в экономическом отношении государствах революции XX века не прошли бесследно для правящих элит. Они потребовали от современных политиков больше внимания уделять интересам самых различных слоев общества и, в первую очередь тех, кто в социальном плане наименее защищен. Обществу предложены новые правила политической игры, в которой должны участвовать все группы населения. Она зиждется на признании, по крайней мере, двух положений: во-первых, революция в современном мире - слишком высокая плата за восстановление утраченной обществом стабильности; во-вторых, наиболее обеспеченные слои общества обязаны создать нормальные условия существования для тех слоев населения, которые живут за счет продажи своей рабочей силы.

В результате установления новых правил политической игры в развитых странах на протяжении уже не менее трех десятилетий постоянно, прогнозируются возможные варианты развития событий, с тем, чтобы не допустить появления непредсказуемых ситуаций. Там больше всего боятся неконтролируемых событий и непредсказуемых политиков, и эти опасения, на наш взгляд, вполне обоснованны. Дело в том, что в условиях, когда экономические связи между различными регионами нашей планеты достаточно тесны, любое политическое потрясение, где бы оно ни произошло, немедленно отразится на экономической ситуации государств, расположенных за тысячи километров от взрывоопасного региона.

Очевидно, что защита от принуждения при развитой конкуренции основывается на широком рассеянии экономической власти, а концентрация экономической власти, которой сопровождается упадок конкуренции, позволяет обладателям этой власти осуществлять меры принуждения.

Экономические интересы, выраженные в экономической власти отдельных группировок, образований, отражают внеэкономическое принуждение, что ограничивает возможности функционирования рыночной экономики. Саморегулирующийся механизм конкуренции (рыночное регулирование) перестал работать, что связано с воздействием на нее, кроме монополий, власти отдельных экономических группировок с их интересами. Ограничить экономические интересы может только государственное регулирование как система экономической координации.

Можно предположить, что результаты научных исследований найдут отражение в перераспределении власти элит в обществе. Глобальный экономический кризис 2008 г. еще раз подтвердил необходимость государственного регулирования отдельных секторов экономики, в том числе финансового, для обеспечения социальной стабильности в обществе. Стало очевидно, что регулирование необходимо осуществлять в виде координации усилий рыночного и государственного регулирования. Мы предложили концепцию системы экономической координации, отражающей реальность современного этапа развития экономики (более подробно в следующей статье) [15].

Список литературы

1. Бест М. Новая Конкуренция. Институты промышленного развития. – М.: ТЕИС, 2002, с. 106.
2. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество: Пер. с англ. – М.: Прогресс. 1969, с. 96.
3. Гэлбрейт Дж. К. Справедливое общество. Гуманистический взгляд/ В кн.: Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/ Под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999, с.228.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. - М.: ГУ ВШЭ, 2000, с. 37.
5. Кастельс М. Могущество самобытности/ В кн.: Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/ Под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999, с. 304.
6. Кастельс М. Становление общества сетевых структур/ В кн.: Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/ Под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999, с. 494.
7. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I. Процесс производства капитала. – М.: Политиздат, 1978, с.727, 772.
8. Нуреев Р., Рунов А. Россия: неизбежна ли деприватизация? (феномен власти-собственности в исторической перспективе)// Вопросы экономики, № 6, 2002, с.25.
9. Ойкен В. Основные принципы экономической политики: Пер с нем. – М.: Прогресс, 1995, с. 378.
10. Портер М. Э. Конкуренция: Пер. с англ. – М.: Изд. дом «Вильямс», 2000, с.188.
11. Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX –XX вв.- СПб: Наука, 1998, с.471.
12. Стиглиц Дж. Экономика государственного сектора/ Пер. с англ. – М., 1997, с.163.
13. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Пер. с англ. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002, с. 31.
14. Тоффлер Э. Футурошок: Пер. с англ. – СПб.: Лань, 1997, с. 27.
15. Усик Н. И. Формирование конкурентной среды в России: Монография.- СПб: ОЦЭиМ, 2003, с. 47-67.
16. Шерешева М. Ю. Межфирменные сети. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2006, с. 87.

Studies on administrative innovations best advantageous for economic interests of Russia

N.I.Usik

Saint-Petersburg State University of Refrigeration
& Food Engineering

Sectoral and corporative interests influence administrative innovations. The worker considers forms of economic power at three levels in the historical retrospective. The methodology to study administration as a mature model of authoritative relations with specific economic interests is given.

Key words: administrative innovations, state regulation, market regulation, economic interests, authority of elites, economic coordination system.